

**ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРУПНОГО СИБИРСКОГО РЕГИОНА
(НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2010–2014 ГГ.)¹**

**THE DYNAMICS OF SOCIAL WELL-BEING OF POPULATION
IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF A LARGE SIBERIAN REGION
(ON THE BASIS OF EMPIRICAL RESEARCH IN THE KRASNOYARSK TERRITORY IN 2010–2014)**

В.Г. Немировский

V.G. Nemirovskiy

*Сибирский федеральный университет, Красноярск
Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

А.В. Немировская

A.V. Nemirovskaya

*Высшая школа экономики, Москва
Higher School of Economics, Moscow*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

В статье показана динамика субъективного социального благополучия населения крупного Сибирского региона (Красноярский край) в 2010–2014 гг. При этом процессы социокультурной модернизации региона рассматриваются как совокупность условий, которые влияют на изменения субъективного социального благополучия населения. В ряде наших предшествующих работ, посвящённых модернизационным процессам в Красноярском крае, показаны их в целом позитивные результаты. Поэтому логично выдвигается гипотеза, в соответствии с которой за пятилетний период субъективное социальное благополучие населения региона повысилось. Эмпирической базой исследования являются опросы населения Красноярского края, проведённые в 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 г. по репрезентативной выборке методом формализованного интервью. При этом использовалась стандартизированная методика ЦИСИ ИФРАН, дополненная разработанными нами индикаторами уровня жизненной энергии населения. В результате анализа установлено, что в условиях роста социокультурной модернизованности региона произошло существенное усиление субъективного социального благополучия его населения, измеряемого по различным индикаторам. Тем самым подтверждается гипотеза о росте субъективного социального благополучия у населения региона за исследуемый период. При этом негативные социокультурные, экономические и другие факторы, тормозящие модернизационные процессы в регионе, существенным образом не снижают исследуемого нами показателя.

The article shows the dynamics of subjective social well-being of population of a large Siberian region (The Krasnoyarsk Territory) in 2010–2014. Herewith the processes of social and cultural modernization of the region are seen as a set of conditions that affect the change of subjective social well-being of the population. It had been shown in a number of our previous works that, in overall, the modernization processes in the Krasnoyarsk Territory led to positive results. Therefore, it is logical to put forward a hypothesis, according to which the subjective social well-being of the population in the region has increased in the 5 years period. The empirical basis of the research is the surveys of the population of the Krasnoyarsk Territory, conducted in 2010, 2011, 2012, 2013, 2014. by the method of a formalized interview, using a representative sample. A standardized methodology, developed by the Center for the Study of Socio-cultural Change of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, has been employed for this research. It was supplemented by newly introduced indicators for the study of level of vital energy of the population. The analysis has showed that, under conditions of the development of socio-cultural modernization of the region, the subjective social well-being of its population, measured by various indicators, also increased significantly. This confirms the hypothesis about the growth of subjective social well-being of the population in the region during the analyzed period. At the same time, the negative socio-cultural, economic and other factors, hampering the processes of modernization in the region, do not substantially reduce subjective social well-being.

Ключевые слова: социальное благополучие, социокультурная модернизация, Сибирский регион, уровень жизненной энергии.

Key words: social well-being, socio-cultural modernization, Siberian region, vital energy level.

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Цель и методика исследования. Как известно, социальное благополучие населения выступает интегральным социологическим показателем. Он включает совокупность индикаторов, отражающих различные аспекты социальной жизнедеятельности человека и его отношение к ним. Цель работы – анализ динамики субъективного социального благополучия населения крупного сибирского региона в контексте происходящих в нём модернизационных процессов. Феномен социального благополучия достаточно широко анализируется в современной литературе, например, широкое обсуждение эта тема получила на круглом столе «Социальное благополучие и счастье» в рамках IV Очередного Всероссийского социологического конгресса [1].

В статье мы опираемся на социокультурный подход, в рамках которого была разработана типовая методика «Социокультурный портрет региона», включающая соответствующие показатели, которые, по нашему мнению, в комплексе характеризуют субъективное социальное благополучие респондентов:

- эмоциональное отношение населения к своему региону;
- мнение респондентов о качестве жизни в своём регионе в сравнении с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири;
- мнение респондентов о привлекательных и непривлекательных чертах жизни в регионе;
- удовлетворённость своей жизнью;
- социальное самочувствие населения.

Рассмотрим элементы этого социального феномена. Одной из важнейших характеристик социокультурных и социально-экономических процессов в любом регионе, как и в более крупных социально-территориальных общностях, является социальное самочувствие. В отечественной литературе широкое распространение получил подход Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой, используемый при разработке «социокультурных портретов» регионов и учитывающий прежде всего такие социоэмоциональные феномены, как общую удовлетворённость жизнью респондента, уровень его социального оптимизма и защищённости от различных опасностей. На наш взгляд, чувство защищённости человека от тех или иных опасностей есть не что иное, как эмоциональный феномен, противоположный чувству страха [2]. Соответственно,

чувство страха является одним из элементов социального самочувствия.

Изменение репертуара социальных страхов, их объектов, по мнению Д.Н. Баринова, свидетельствует о влиянии на социальное самочувствие объективных условий жизнедеятельности людей, определяемых макросоциальными факторами [3]. Анализ чувства (эмоции) страха в структуре социального самочувствия населения имеет давнюю традицию. Более того, само понятие социального самочувствия определяется посредством социоэмоциональных категорий. Как справедливо отмечает Н.В. Дулина, в определении термина «социальное самочувствие» важно указать на то, что это реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением... уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [4, с. 89].

Напрашивается вывод, что социальное самочувствие индивида в значительной мере относится также и к проблемному полю социологии эмоций [5]. Тем самым мы переходим к такому важному показателю социального самочувствия, как общая удовлетворённость жизнью. Подобная традиция имеет давнюю историю. Более 20 лет назад американский учёный Э. Кэмпбелл выявил ряд представлений респондентов о хорошей жизни [6].

Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик создали социологический тест «Интегральный индекс социального самочувствия», который позволяет оценивать эффективность социальной политики [7]. Методика, разработанная Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой, с помощью интервью измеряет «...три составляющие социального самочувствия населения: степень защищённости от 10 социальных опасностей; степень удовлетворённости своей жизнью в целом; степень социального оптимизма – сравнение уровня жизни с прошлым годом, ожидания в ближайшем году, уверенность в своем будущем» [8]. На этой основе авторами создан обобщенный Индекс социального самочувствия (Исс).

Мы полагаем, что для адекватного и целостного описания феномена «социальное самочувствие» следует учитывать и его эмоционально-энергетические составляющие. «Энергетический компонент, – по справедливому мнению Н.Л. Баталовой, – выражает уровень реализации жизненных сил личности, соци-

альной группы как способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в разных сферах, проявляя социальную субъектность...» [9, с. 8]. Инструментарий Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой этим автором был дополнен «коэффициентом социально-энергетического потенциала, который отражает уровень актуальной и потенциальной социальной активности молодого человека. Данный показатель строится на учете самооценки респондентом своего здоровья, а также на степени его социальной активности» [9, с. 11].

В нашем исследовании жизненная энергия человека измерялась с помощью шкалы, включающей девять вербальных описаний уровня жизненной энергии человека. Варианты оценок: «практически постоянно», «иногда», «редко» «не испытываю» [10].

Статья опирается на результаты эмпирических исследований, проведенных в 2010–2014 гг. в Красноярском крае по репрезентативной региональной выборке в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН [11]. Опросы населения осуществлены методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края.

1. В 2010 г. $n = 1000$ респондентов, исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края».

2. В 2011 г. $n = 1250$ респондентов.

3. В 2012 г. $n = 1300$ респондентов, оба исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00250а «Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае».

4. В 2013 г. полуформализованные интервью с населением Красноярского края – 520 чел.

5. В 2014 г. $n = 1000$ респондентов, оба исследования проведены при финансовой

поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Результаты исследования. Отвечая на вопрос об общем эмоциональном отношении к своему региону, большинство респондентов выбрали вариант ответа «в целом я доволен, но многое не устраивает» (46 % – 2010 г., 44 % – 2012 г., 35 % – 2014 г.). Несколько выросла доля ответивших «я рад, что живу здесь»: соответственно 24, 22, 31 %. Безразличное отношение к Красноярскому краю в 2010 г. выразили 12 %, в 2012 г. – 14 %, в 2014 г. – 15 % респондентов. Варианты ответа «мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать», как и «хотел бы уехать в другой регион России», ежегодно выбирали около 6 % опрошенных жителей региона. Наметилась слабая тенденция роста доли жителей, высказавших намерение уехать из России: 2010 г. – 4 %, 2012 г. – 6 %, 2014 г. – 7 %.

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому отношение жителей к своему региону является амбивалентным: усилилось как позитивное, так и безразлично-критичное отношение жителей региона к Красноярскому краю.

Мнение респондентов из Красноярского края о качестве жизни в своём регионе в сравнении с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири, за последние годы резко изменилось: если в 2010 г. вариант ответа «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах» выбрали 10 % опрошенных, в 2012 г. – 11 %, то в 2014 г. – уже 20 %. Несколько снизилась доля респондентов, которые предпочли неоднозначный вариант ответа: «по сравнению с одними регионами, у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже» (2010 г. – 62 %, 2012 г. – 59 %, 2014 – 58 %). При этом не изменилась доля опрошенных, которые придерживаются противоположной позиции: «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах». Как видим, более половины жителей края продолжают придерживаться нейтральной позиции.

Привлекательной чертой региона, которая доминирует в массовом сознании жителей Красноярского края, является «красивая природа» – этот вариант ответа поддержали в 2010 г. 84 % опрошенных, в 2012 г. – 82 %, в 2014 г. – 84 %.

в 2014 г. – 79 %. Мнения, что Красноярский край – «это регион, перспективный для жизни», в 2010 г. придерживались 23 % опрошенных, в 2012 – 18 %, в 2014 г. – 21 %. Резко возросла доля ответивших, что в крае проживают «душевные, добрые люди»: с 18 % в 2010 г. до 23 % в 2012 г. и до 30 % в 2014 г. Несколько увеличилось число респондентов, по мнению которых здесь много возможностей для инициативных людей.

Непривлекательные черты Красноярского края, доминирующие в массовом сознании его жителей, несмотря на определённые и неоднозначные изменения, произошедшие в этих представлениях в 2010–2014 гг., сохранили прежнюю иерархию: слишком суровый климат – 48 %, здесь жизнь заглохла – 24 %, неприветливые люди – 20 %. Эти три варианта ответа являются наиболее распространёнными. Согласно полученным данным, в 2014 г. в крае, по мнению опрошенных, стало несколько больше душевных и добрых людей, перспектив для жизни и возможностей для самореализации своих инициатив.

Чувство защищённости от различных опасностей в стандартной методике «Социокультурный портрет региона» включает десять индикаторов. Мы можем объединить их в две основные группы опасностей и, соответственно, «...чувства незащищенности/защищенности от них на основе разграничения двух основных источников таких опасностей (угроз): во-первых, внешних объективных условий, которые индивид хотел бы изменить, изолироваться от них и т. п. Во-вторых, внутренних, субъективных характеристик человека, которые он не в силах изменить или вообще не желает менять, поскольку они, например, разрушают его социокультурную самоидентификацию, самосознание, внутреннее "Я"» [12].

Остановимся на первой группе угроз. Так, чувство страха перед экологической угрозой уменьшилось в 2,5 раза, перед произволом чиновников – в 2,0 раза, произволом правоохранительных органов – в 1,5 раза, бедностью – в 1,3 раза, преступностью – в 1,9 раза, одиночеством и заброшенностью осталось прежним.

Относительно второй группы угроз укажем: страх перед притеснением из-за возраста или пола уменьшился в 1,2 раза, ущемлением из-за национальности – в 0,9 раза, перед притеснениями преследованиями за политические убеждения, как и за религиозные убеждения, практически остался на прежнем уровне.

Можно сделать вывод, что за 2010–2014 гг. в Красноярском крае среднее в два раза уменьшилось чувство незащищённости (страха) респондентов перед внешними объективными факторами и порождёнными ими угрозами. Это отчасти можно объяснить улучшением условий жизни как в данном регионе, так и в стране в целом. При этом вторая группа страхов, выходящая за пределы социетального уровня, уменьшилась незначительно, поскольку существование этих страхов во многом определяется микросредой индивида, которая отличается большей инертностью.

Удовлетворённость индивида жизнью выступает неотъемлемым элементом его субъективного социального благополучия. Рассмотрим оценки полярных групп респондентов. Согласно результатам проведённых нами исследований доля респондентов, «полностью удовлетворённых» своей жизнью, в Красноярском крае с 2010 по 2014 г. увеличилась в 2,2 раза. Причём в сельской местности несколько выше, чем в городах края: соответственно в 2,5 и 2,1 раза. Это может свидетельствовать об успехах в реализации ряда государственных и региональных программ, направленных на улучшение жизни в сельской местности и развитие сельского хозяйства. В целом доля «не очень удовлетворённых» своей жизнью за эти годы в крае снизилась в 1,9 раза, «совсем не удовлетворённых» – в 3 раза. Как видим, и данный индикатор социального самочувствия жителей края свидетельствует о его улучшении на протяжении последних четырёх лет.

Анализ степени уверенности респондентов в своём будущем как показатель социального оптимизма населения региона демонстрирует аналогичную картину. Доля жителей региона, «вполне уверенных» в своём будущем, увеличилась в 1,9 раза, «совершенно не уверенных» – уменьшилась в 1,5 раза.

Во многом субъективное социальное благополучие людей определяется степенью оптимистичности их социальных ожиданий. Рассмотрим полярные группы респондентов. Доля опрошенных, высказавших мнение «будем жить значительно лучше», за четыре года выросла в 2,1 раза. Напротив, доля выбравших вариант ответа «будем жить несколько хуже» уменьшилась в 1,9 раза, «будем жить значительно хуже» выросла в 1,2 раза и составила 1,7 %. Таким образом, социальные ожидания населения Красноярского края характеризуются высокой степенью оптимизма.

Индекс социального самочувствия населения, рассчитанный по методике, разработанной под руководством Н.И. Лапина [13], заметно увеличился: с 0,62 в 2010 г. до 0,68 в 2014 г. Наиболее возросли «Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)» и «Социальный оптимизм (Ко)», что, соответственно, повлияло и на их уровень субъективного социального благополучия.

Согласно результатам исследований, оценка респондентами любых индикаторов, характеризующих их высокую жизненную энергию, выросла, например «испытываю практически постоянно»: *огромный прилив сил, вдохновение* – 14 и 24 % соответственно, *состояние умиротворения и гармонии* – 15 и 25 %. Напротив, что касается показателей, отражающих упадок жизненной энергии, они снизились или остались без изменения: вариант ответа «испытываю практически постоянно»: *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию* – 24 и 19 %; вариант ответа «иногда»: *сил не хватает, чувствую усталость* – 38 и 31 %, *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию* – 45 и 37 %.

Как видим, у респондентов региона в течение трёх лет произошло заметное увеличение показателей, характеризующих их жизненную энергию. Иными словами, улучшилась эмоционально-энергетическая составляющая социального самочувствия жителей региона [14].

Нашими исследованиями выявлено более высокое субъективное социальное благополучие в высокостатусных группах и социально-экономических слоях, обладание ими более обширными жизненными ресурсами и более значительным социальным капиталом [14, с. 116].

Выводы. Улучшение субъективного социального благополучия населения Красноярского края по всем анализируемым индикаторам связано не только с общим улучшением условий жизни в данном регионе при достаточно успешном процессе осуществления его социокультурной модернизации. С одной стороны, на социальную арену вышли возрастные группы населения, представителями которых глубоко интернализированы существующие в настоящее время в социуме социальные нормы и ценности. За 23 года, прошедшие с периода распада СССР, выросли новые поколения сибиряков, люди более старших возрастов в своей массе сумели приспособиться к изменившимся условиям

жизни. Также нельзя не учитывать что немалая часть тех, кто недоволен условиями жизни в данном Сибирском регионе, особенно молодёжь, мигрируют в западные регионы страны, в первую очередь в Москву, а также за рубеж. Иными словами, происходит утечка наиболее квалифицированных и активных жителей региона. Напротив, население Сибири «разбавляется» мигрантами различных национальностей из других государств СНГ, часть из которых получает здесь гражданство. Для них условия жизни в данном регионе представляются значительно лучшими, нежели там, где они жили ранее. Таким образом, субъективное социальное благополучие – сложный социокультурный феномен, на который влияют и негативные социокультурные, экономические и политические процессы как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

1. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012.

2. Немировский В. Г., Немировская А. В. Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 1(107). – С. 113–127.

3. Баринев Д. Н. Региональная специфика социальной тревожности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2008. – № 8. – С. 165–170.

4. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. – Смоленск : Универсум, 2009. – С. 89–95.

5. Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 210 p.

6. Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1981.

7. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочув-

ствия // Социология: 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–72.

8. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М. : МФРАН, 2010. – 135 с.

9. *Баталова Н. Л.* Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2009. – 24 с.

10. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010–2014 гг.) : монография. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – 244 с.

11. Методические требования по организации и проведению эмпирического исследования в регионе // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., 2009. – С. 796–807.

12. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 1(107). – С. 113–127.

13. *Лапин Н. И.* Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». – Тюмень : ТюмГУ, 2006. – Ч. II : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. / под ред. В. А. Давыденко, В. В. Малыгина, Г. Ф. Ромашкиной. – С. 5–40.

14. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Жизненная энергия и другие ресурсы социальных субъектов (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 4. – С. 104–118.